

Неисчерпаемая Цветаева

Совсем немного времени прошло с момента завершения издания "полной" Цветаевой, когда семь увесистых томов вышли в московском издательстве "Эллис Лак". Все творческое наследие Цветаевой (во всяком случае все, что уцелело) стало доступно читателю: стихи, поэмы, драматургия, проза, статьи, эссе. Полнота текстов перекрыла известный американский пятитомник поэзии Цветаевой, так долго нас выручавший, как и изданный там же двухтомник ее прозы.

И только по отношению к письмам естественно оговорка: издание представило их "полноту" лишь на последний день типографского набора. Внимательный читатель заметил, наверное, что в седьмом томе пришлось даже сменить шрифт на более мелкий из-за того, что вновь обнаруженные тексты писем не вмещались в заранее запланированный объем книги. И когда-то еще найдутся, даст Бог, цветавские письма к князю Волконскому, к Анне Ильиничне Андреевой, к Елене Извольской и многим другим, чьи имена трудно предугадать...

Но теперь читателя порадует очередной сюрприз. В канун 105-летия со дня рождения великого поэта в том же издательстве вышел в свет очередной солидный том, озаглавленный: "Марина Цветаева. Неизданное. Сводные тетради".

Елена Коркина и Ирина Шевеленко, подготовившие к изданию тексты (и снабдившие их превосходными примечаниями), в предисловии определяют значимость нового издания, в частности, как еще один шанс для читателя глубже понять судьбу Цветаевой и ее творчество, шанс перейти наконец от простого знакомства с нелегкими цветавскими поэтическими и прозаическими текстами к их неискаженному пониманию.

Хранятся так называемые "сводные тетради" в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), и доступ к ним долгие годы был невозможен для специалистов-исследователей. Тетради представляют собой обширные выписки, сделанные самой Цветаевой (сначала в 1932-1933 гг., а затем в 1938-1939 гг., в преддверии отъезда из Парижа в Россию) из ее собственных черновых тетрадей, записных книжек и блокнотов.

Дневниковые записи в домашних тетрадях, как и карманные записные книжки, бывают разными. Цветавские не слишком часто фиксируют бытовые реалии, хотя есть и они. И все же прежде всего это фиксация жизни души и тела, размышления наедине с собой обо всем на свете, поиск формулировок для рождающейся на наших глазах, еще не откristаллизовавшейся мысли. Но здесь же — и планы больших поэм и пьес, и наброски писем, и варианты стихотворений.

Торопливому читателю кое-что может показаться скучным мусором черновики и заготовки. Зато ценителям медленного чтения гарантированы радости. Их обеспечивает уникальное богатство личности Марины Цветаевой, ее неизменная сосредоточенность в осмыслении впечатлений, с которыми она сталкивается, — в живой ли жизни, в собственном ли творческом процессе или в чужой книге. В очередной раз мы удостоверимся в справедливости характеристики Иосифа Бродского, назвавшего

Цветаеву одним из интереснейших мыслителей века. Читатель найдет в книге множество интереснейших записей, раскрывающих отношение поэта к творчеству, к поэтам-современникам, размышления над странными жизненными закономерностями, над собственной природой...

Не удержусь, приведу некоторые, хотя тут, как говаривал Козьма Прутков, единожды начав, трудно остановиться.

Итак, об особенностях творчества: "Душе, чтобы писать стихи, нужны впечатления. Ей необходимо, чтобы ей мешали (задевали), поэтому <то> она в состоянии покоя не существует. Покой для души (боли) есть анестезия: умерщвление самой сущности".

Еще:

"Пока не требует поэта // К священной жертве Аполлон... А меня — всегда требует! И я всегда погружена! (в заботы мелочного света). И не малодушно (гениальное слово!), а великодушно: поэтому <то> мне ничего не нужно (из сует)".

О природе человеческой — из разных мест:

"Богом становишься через радость, человеком через страдание".

"Каждое поступить есть преступить: чей-то закон: человеческий, божеский или собственный".

"Благородство (поведения в трудных случаях жизни) есть не то следствие, не то причина бесстрастия. Абсолютно страстный человек не может быть абсолютно благородным".

О себе самой:

"Иногда я думаю о себе, что я — вода. (...) Налейте в море — будет морем, налейте в стакан — будет стаканом. Дело вместимости сосуда — и жажды!".

О своей судьбе:

"Личная жизнь моя (то есть в днях и местах) не удалась. Это надо понять и принять. Думаю, 30-летний опыт достаточен. Причин несколько. Главная в том, что я — я. Вторая: ранняя встреча с человеком из прекрасных — прекраснейшим, долженствовала быть дружбой, а осуществившаяся в браке. (Просту: слишком ранний брак со слишком молодым)".

Еще о себе и о любви:

"Мне пару найти трудно, поэтому <то> я задумана без пары, состояние парой для меня противоестественно, кто-то здесь лишний, чаще — я".

"Я знаю только одну счастливую любовь — Беттины к Гете. Большой Терезы — к Богу. Безответную. Безнадежную. Без помехи приемлющей руки. Как в прорву".

"Мне в жизни нужна не влюбленность, а понимание и помощь. Если мне захотелось прислониться, то с той же нежностью как к каштану — причем здесь пол?.."

И так далее, и еще многое и многое.

Не буду останавливаться специально на значимости издания для исследователей-цветаеведов, эта значимость очевидна без доказательств. Стихoved, комментатор, интерпретатор поэзии и прозы, биограф — все найдут здесь обильнейший материал для размышлений и переосмысления. Весь вопрос в том, что и как сумеют они извлечь из этого богатства, но это уже, говоря словами самой Цветаевой, "дело вместимости сосуда — и: жажды".

ИРМА КУДРОВА

Санкт-Петербург

241